

Вчера он почти всю ночь не спал, размышляя о письме, написанном кровью, и лишь на рассвете ненадолго задремал. Когда он снова открыл глаза, уже совсем рассвело, и он поспешно начал одеваться и умываться. Однако, закончив все эти дела, он почувствовал себя растерянным и потерянным — он был тем, кого отвергли все, кого можно было назвать родными в третьем доме.

И теперь у него было то, что могло изменить судьбу всех в этом доме.

Он не знал, правдиво ли содержание этого письма, написанного кровью, и понимал, что не может просто так спросить об этом. Если бы Гу Вэньин узнал, что у него есть такая вещь, то, возможно, не убил бы его и не причинил бы вреда, но, скорее всего, заставил бы его причинить зло другим, чтобы сохранить эту ужасную тайну.

Что же ему делать?

Даже в самые холодные зимы его законная мать заставляла его стоять на коленях на ледяных каменных плитах, пока у него не обострился кашель, и он почти умирал, а она лишь смеялась. Его старший брат, если он случайно разбивал чернильницу, приказывал слугам бить его. Его старшая сестра, после того как он голодал целый день, приносила ему рисовые шарики, но затем смеялась и топтала их ногами. И их отец, который безучастно наблюдал за всем этим, не выражая ни малейшего сочувствия.

Все эти годы он, следуя наставлениям своей матери перед её смертью, жил осторожно, избегая неприятностей, но в итоге получил лишь бесконечное презрение и ничего больше.

В этом мире у него не было ни родителей, ни друзей... возможно, только его двоюродный брат Гу Чжису был готов поговорить с ним.

Гу Чжихуай машинально сжал грудь, чувствуя, будто борется в огне. Его лицо постепенно покраснело, как цветущие весной персики, и зудящая боль поднялась из груди, заставляя его согнуться, как лук, и начать кашлять так сильно, что он не мог остановиться.

Когда он, согнувшись, кашлял и, сжимая воротник, пытался отдышаться, его щёки стали ещё более розовыми, как цветущие персики. Он попытался встать, чтобы взять лекарство и подавить надвигающийся приступ кашля, но в этот момент дверь за его спиной, которая была плотно закрыта, внезапно открылась. Голос слуги вместе с ароматом еды внезапно проник в эту маленькую комнату.

— Молодой господин, хорошо, что вы проснулись.

Слуга, который вчера стоял у двери, не соблюдая никаких правил, вошёл, не постучав, и, идя, украдкой осматривался. Увидев, что Гу Чжихуай сидит за столом и, из-за кашля, ещё не принял лекарство, его лицо всё ещё было красиво, как утренний рассвет. Слуга сглотнул слюну, закрыл дверь на замок и, держа коробку с едой, подошёл к нему, не обращая внимания на реакцию Гу Чжихуая, начал выкладывать еду на стол.

Коробка с едой выглядела большой, но внутри было всего два блюда, и оба были вегетарианскими: тарелка горячих булочек из белой муки и небольшая миска изумрудного супа.

Такая еда была обычной для простых людей, но Гу Чжихуай, как незаконнорождённый сын знатного дома, увидев её, удивился и странно посмотрел на слугу — обычно из главной кухни ему приносили только одно блюдо и булочки, даже маленькой миски изумрудного супа ему не

доставалось. Этот слуга, неизвестно как умудрился, принёс столько еды для него, самого нелюбимого в доме, который даже Гу Чжису был ниже, и жил как слуга.

Гу Чжихуай растерянно смотрел на еду перед собой и, прежде чем успел взять палочки, услышал, как слуга торопит его, с нотками нетерпения в голосе:

— Я только что принёс эту горячую еду из главной кухни, через некоторое время её уже не будет. Пожалуйста, поешьте скорее, попробуйте, вкусно ли?

Слуга, стоя перед столом, увидев, что Гу Чжихуай сегодня, кажется, немного рассеян, не удивился, взял палочки, попробовал немного еды и начал пить суп. В его глазах мелькнул луч успеха, и он незаметно приблизился к нему, медленно сжимая пальцы.

Он служил в этом дворе много лет и лучше всего знал, что третий молодой господин Гу Чжихуай действительно был нелюбим в третьем доме. Даже если бы он, такой же, как он сам, из-за чего-то оказался бы с ним в постели, третья жена из главного дома точно не стала бы вмешиваться, а, наоборот, была бы рада выдать этого третьего молодого господина замуж за какого-нибудь неподходящего человека.

Когда его выдадут замуж, какое дело до него до красной нити? Возможно, чтобы замять это дело и посмеяться над этим женоподобным молодым господином, третья жена даже даст ему несколько лянов серебра в благодарность!

Слуга, увидев Гу Чжихуаю вчера, возжелал его и, обдумав всё, решил, что если он сделает это, то всё пройдёт гладко, и начал искать способ, как завладеть красавцем. В итоге он решил действовать через завтрак Гу Чжихуаю.

Сегодня рано утром, ещё до рассвета, он тайно позвал знакомого из дома, чтобы достать сильнодействующее снадобье и порошок, размягчающий мышцы, и добавил их в горячую еду, особенно много положив в суп.

Теперь, увидев, что Гу Чжихуай без подозрений съел отравленную еду, слуга больше не скрывал своих намерений. Его взгляд, полный похоти, был направлен прямо на Гу Чжихуаю, который только что положил палочки. Однако Гу Чжихуай, всё ещё погружённый в мысли о письме, написанном кровью, и из-за начинающегося приступа кашля, совершенно не заметил его намерений.

Слуга, видя, что он до сих пор ничего не заподозрил, не торопился, лишь непроизвольно улыбнулся странной улыбкой. Когда Гу Чжихуай встал из-за стола, он собрал еду в коробку, поставил её под стол и, не спеша, повернулся к Гу Чжихуаю, который, только что встав, почувствовал, как тело начало нагреваться, и, потеряв силы, сел на кровать, с растерянным выражением лица.

Гу Чжихуай только что сел на кровать и, краем глаза увидев, что слуга подходит, собирался сказать ему уйти, но слуга с странной улыбкой подошёл к нему, поднял руку и толкнул его на кровать. К его ещё большему удивлению, когда он увидел, что рука движется к нему, он инстинктивно хотел поднять руку, чтобы сопротивляться, но не смог даже поднять руку, и тело его полностью обессилело, так что он мягко упал на бок на кровать.

Слуга, видя его полное бессилие, шокированное и настороженное выражение лица и покрасневшее от действия лекарства лицо, хихикнул, сел рядом с ним, одной рукой погладил его бледные пальцы, а затем провёл по руке к лицу, другой рукой тоже не терял времени, торопливо потянулся к поясу его верхней одежды, снял его длинный халат с вышитыми

зелёными бамбуками, обнажив белую нижнюю рубашку и бежевую нижнюю одежду.

Гу Чжихуай, будучи толкнутым на кровать, чувствовал, что тело его не только обессилело, но и постепенно начало нагреваться. Он понял, что дело плохо, и, видя, как слуга прикасается к нему, не мог сопротивляться. Когда слуга дотронулся до его руки, он осознал, что слуга подсыпал ему лекарство и теперь хочет лишить его невинности.

Неужели из-за того, что он в последнее время не был послушным, его высокомерная законная мать наконец не выдержала и решила его уничтожить? Или слуга, видя его беспомощность, и то, что в его комнате даже не было служанки, возжелал его и решил осквернить?

Его мысли путались, в сердце и глазах царил тьма, а горло, где была боль и зуд, с каждым моментом действия лекарства всё больше сжималось, затрудняя дыхание. Слуга, лежащий на нём, уже снял его одежду и жадно смотрел на его обнажённую кожу, совершенно не замечая этого, продолжая гладить красную нить на его руке, снял его нижнюю одежду и с восхищением смотрел на его грудь, которая сильно поднималась и опускалась, словно издавая странные звуки.

И в тот момент, когда он снял нижнюю одежду, лёгкий и тонкий шёлковый свиток упал из белой одежды. Слуга, который хотел сразу же броситься на него, чтобы насладиться этим знатным юношей, мельком увидел этот свиток, упавший ему на ногу.

<http://bllate.org/book/16652/1526169>